

Автор: Джон Стейнбек

Название: “Русский журнал”

Когда мы вернулись в Москву, здесь уже вовсю бурлила подготовка к празднику. Целые бригады развешивали на стенах плакаты и портреты народных героев — все внушительных размеров. По мостам протянули гирлянды, стены Кремля, его башни, даже зубчатые выступы — всё было очерчено электрическими огнями, а каждое общественное здание подсвечивал прожектор. На бульварах выставили по танцевальной площадке, то тут, то там можно было заметить небольшие торговые лавки: они походили на чудесные домики из русских сказок и предлагали прохожим купить сладостей, мороженого и сувениров. На кого ни глянь из прохожих, у всякого на одежде — небольшой металлический значок, выпущенный специально к празднику, его символ. Почти ежечасно прибывали всё новые и новые иностранные делегации, автобусы и трамваи были набиты битком, а дороги заполняли люди, направляющиеся в город: помимо одежды они несли с собой запасы еды на несколько дней вперёд (ещё свежи были их воспоминания о военном голоде, поэтому для них не взять с собой хотя бы несколько буханок хлеба было небезопасно, рискованно). Каждое здание украшали знамёна, флаги и бумажные цветы, временами взгляд цеплялся за вывески народных комиссариатов на домах, где располагались их офисы. Толпы народу днём и ночью любовались огромной картой московского метрополитена, в нижней части которой туда-сюда курсировал маленький поезд. В Москву то и дело въезжали грузовики и фургоны, везущие из колхозов капусту, дыни, помидоры и огурцы — дары городу на его 800-летие. Любой, кого только можно было увидеть на улице, носил медаль, ленту или какое-либо украшение, напоминающее о военных годах.

Словом — Москва кипела жизнью.

В офисе газеты “Herald Tribune” я обнаружил письмо от Свит-Джо Ньюмана: он задерживался в Стокгольме и потому просил меня осветить праздник в статье для газеты, поскольку сам не успевал вернуться в срок. Капа всё лихорадочно трудился над своими снимками, критиковал сам себя и качество проявки — ему не нравилось решительно ничего. К тому времени у него уже накопилось множество негативов, и он часами просиживал перед окном, просматривал их и непременно причитал, как всё неправильно и неудачно у него выходит. Мы позвонили в ВОКС господину Каганову и попросили его узнать, как нам вывезти эти снимки за пределы страны и что именно надо для этого сделать. Нам было известно о существовании некой цензуры, и совершенно не хотелось узнавать в последнюю минуту о возможных трудностях, с нею связанных — уж лучше было заранее подготовиться к возможным препятствиям. Каганов же ответил, что займётся этим немедленно и обязательно известит нас, как только что-нибудь об этом разузнает.

В ночь перед праздником нас пригласили в Большой театр — не сказали, однако, что именно нас ждёт — и по какому-то удачному стечению обстоятельств явиться мы не смогли. Позже мы узнали, что пропустили увлекательные шесть часов сплошных речей, событие, с которого никто из присутствовавших уйти не мог — в ложе сидели члены правительства. Из

всех случайностей, что когда-либо с нами происходили, эту, пожалуй, можно по праву считать самой счастливой.

В тот вечер трудно было даже найти, где бы нам поужинать: рестораны и кабаре были до отказа забиты народом, многие места отвели специально для делегатов из республик Советского Союза и других стран, поэтому о том, чтобы попасть внутрь, не могло идти и речи. В это время Москва оказалась вся заполнена толпой, медленно текущей по городским артериям. Временами люди останавливались и слушали музыку на какой-нибудь площади, потом продолжали прогулку и снова замедляли шаг, если высматривали поблизости нечто интересное. Кое-где танцевали, хотя и не очень много; всё-таки люди предпочитали просто гулять и наблюдать за всем вокруг. Восторгу их не было предела, особенно у тех, кто приехал из деревень, ведь некоторые из них никогда до этого не были в городе. Но уж точно никто ещё не видел Москву такой яркой, звенящей праздничными огнями.

В переполненные музеи и вовсе попасть было невозможно. Театры тоже собирали под своими сводами толпы народу. Во всём городе, казалось, не нашлось бы такого дома, с которого на прохожих не смотрел бы хоть один гигантский портрет Сталина, Молотова, второго по величине, или президентов различных республик и других героев Советского Союза, правда, размером уже заметно меньше.

Поздно вечером мы отправились на праздничный ужин в дом американского корреспондента, который уже много лет жил в России, хорошо говорил и читал по-русски. Он немало рассказал нам о некоторых трудностях ведения домашнего хозяйства в современной России: как и в случае с обслуживанием в гостиницах, большая часть этих трудностей коренится в неэффективной удушающей бюрократии — в ней так много записей, так много бухгалтерской отчётности. Всё это, конечно, очень мешает, зачастую даже приводит к тому, что обыкновенный ремонт становится попросту невозможным.

После ужина наш собеседник подцепил с полки книгу и раскрыл её перед собой.

— Послушайте-ка вот это, — обратился он к нам и принялся неспешно читать, попутно переводя с русского на английский. Прочёл он примерно следующее, не дословно, но близко к тому: — “Люди Московии очень подозрительны в своём отношении к иностранцам — за ними неустанно следит тайная полиция, подмечает каждый их шаг и незамедлительно отправляет свои наблюдения начальству. Из-за этого русские даже не принимают их как гостей в своих домах, видимо, опасаясь разговаривать с ними больше, чем следует. Иностранец, пожелавший путешествовать по стране, непременно столкнётся с целой чередой трудностей, кроме того, к каждому заграничному гостю всегда приставлен специальный наблюдатель, который будет присматривать за ним даже в поездке. Отношения с правительством тоже довольно натянуты, а общение с высокопоставленными людьми всегда преисполнено бюрократии и потому редко приносит плоды: если кто-то отправляет правительственному лицу обращение, оно обычно остаётся без ответа, как и последующие, и далее за ними. Если же отправитель оказывается чересчур назойлив, ему всё-таки сподобятся отписаться, что адресат вдруг оказался “болен” или вовсе “уехал из города”. Из-за этой

распространённой холодности и подозрительности москвитян иностранцам приходится общаться только с другими приезжими”.

Наш друг прочёл ещё много чего в том же духе, а когда закончил, то перевёл взгляд на нас и спросил:

— Что вы об этом думаете?

— Думаем, что цензура бы этого не пропустила, — ответили мы.

В ответ на наше замечание хозяин рассмеялся.

— Это отрывок из книги 1634 года о путешествии в Московию, Тартарию и Персию за авторством Адама Олеария. А хотите узнать о том, как проходили дипломатические собрания в Москве?

Он тут же взял другую книгу и прочёл из неё:

— “С русскими довольно тяжело строить дипломатические отношения. Если на совещании один предлагает какую-то идею, ему сразу же противопоставляют другую. Их дипломаты не ездят за границу, из них мало кто вообще когда-нибудь покидал Россию. Происходит это оттого, что русский, который жил во Франции, считается французом, подобно ему и тот, кто жил в Германии, считается немцем, что лишает таких людей всякого доверия”.

И ещё:

— “Русские никогда не могут достичь согласия: вместо того, чтобы выбрать единый прямой курс, они всё спорят и спорят по кругу, ходят вокруг да около, перебрасываются словами, подбирают их и вновь мечут друг в друга, пока наконец любое совещание не завершится всеобщим замешательством”.

Он ненадолго примолк, а потом сказал:

— Это французский посол Августин Мейерберг написал в 1661 году. То, о чём он говорит, на самом деле, очень успокаивает в нынешнее время. Я думаю, что Россия за все эти годы не так уж сильно изменилась в некоторых мелочах. Так или иначе, дипломаты из других стран уже шестьсот лет в некотором смысле сходят здесь с ума.